

INSPIRIA

Шэна Эйби

18+

Три судьбы Мадлен

INSPIRIA

Novel. Маяк

Шэна Эйби

Три судьбы Мадлен

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Эйби Ш.

Три судьбы Мадлен / Ш. Эйби — «Эксмо», 2021 — (Novel.
Маяк)

ISBN 978-5-04-253958-9

Подлинная история любви самой обсуждаемой пары «Титаника». Они носили неофициальный титул «американской королевской четы», но пресса называла их главными бунтарями высшего света. Мадлен Форс и Джек Астор – скандальная пара Позолоченного века, чья история была слишком яркой, чтобы закончиться просто. Первая жизнь Мадлен была похожа на затяжной прыжок в неизвестность: в семнадцать лет она стала главной мишенью для сплетен, обручившись с «королем Нью-Йорка». Пока Пятая авеню задыхалась от возмущения, Мадлен училась носить фамильные бриллианты и держать спину ровно под вспышками камер. Вторая жизнь продлилась лишь один медовый месяц. Знойный Египет подарил паре мечту, которую вдребезги разбила ледяная Атлантика. «Титаник» казался непотопляемым, как и их будущее, но океан не пощадил никого. Третья жизнь Мадлен началась в пустом особняке, где девятнадцатилетней вдове пришлось выбирать: остаться трагической тенью великого мужа или набраться смелости и выйти из игры, правила которой диктовал свет. «Шэна Эйби – великолепный рассказчик. Она с невероятным изяществом переносит читателя из Ньюпорта в Египет, а затем – к холодным волнам Атлантики. Глубокий, детальный и по-настоящему трогательный роман». – Фиона Дэвис, автор бестселлеров New York Times Бестселлер USA Today и Wall Street Journal. «Лучшая историческая проза года» по версии редакции Amazon.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-253958-9

© Эйби Ш., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шэна Эйби

Три судьбы Мадлен

*Венди Маккарди с глубочайшей благодарностью за возможность
рассказать эту проникновенную историю*

Серия «Novel. Маяк»

Shana Abe
THE SECOND MRS. ASTOR
Copyright © 2021 by Five Rabbits, Inc.
All rights reserved.

Перевод с английского *Ксении Карповой*

© Карпова К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

25 августа 1912

Мой милый Джеки!

Я назвала тебя его именем. У тебя его глаза и светлые вихры. А вот подбородок, похоже, мой. И это правильно. Твой отец, неординарный и одинокий, царил над всеми вокруг и, конечно, в моем сердце. Он был настолько необыкновенным, что повториться не может ни в ком... даже в тебе.

Сейчас ты уютно посапываешь в своей колыбельке – такой крошечный, такой безмятежный... Всякий раз, когда кружевные занавески тревожит ветер с улицы, пахнувший лошадами и теплым летним дождем, твои губы складываются в подобие улыбки, от которой щемит сердце. Меня переполняют одновременно смятение и отчаяние, ведь ты никогда не узнаешь Джека, а он тебя. Прошло уже четыре месяца, но эта тягостная мысль то и дело настигает меня и ранит в самое сердце. Джек никогда не увидит твою улыбку с ямочками на щеках, не порадует первым шагом, не умилит крошечным пальчиком, не влюбится в залиvistый смех. И ты, мой славный, чудесный сын, не сохранишь о своем отце ни единого воспоминания.

Я же в воспоминаниях о нем тону. Они обрушиваются на меня, словно водопад... и тянут на дно. Поэтому ради тебя – и ради собственного спокойствия – я решила выплеснуть их на бумагу. Когда-нибудь, в один прекрасный день, я передам тебе эти страницы, чтобы мои воспоминания стали твоими.

Я не хочу начинать с печального финала, который и так у всех на слуху, – с той беззвездной, точно окутанной черным крепом, ночи, когда, лежа в постели, я почувствовала легкий толчок, настолько незначительный, что сначала показалось, будто ничего не произошло, – просто корабль вдруг случайно шаркнул по каменистому дну. Не до конца проснувшись, неловкая, отяжелевшая от уже Заметного на шестом месяце бремени, я долго не могла одеться.

Мы поднялись на палубу. Поначалу паники почти не было, но она стремительно разрасталась: толкотня и крики заполнили собой все, что еще не успела поглотить Северная Атлантика.

Мне пришлось лезть через окно в прогулочной палубе, я застряла. Руки твоего отца, крепкие и надежные, подтолкнули меня вперед. Женщины выли, рыдали, тянулись к своим мужчинам, оставшимся на корабле. Я с трудом нашла место в крохотной накренившейся спасательной шлюпке...

Ну вот, не хотела, а все же начала с конца... Повторюсь, о нем и так все знают, по его поводу уже было пролито довольно слез и высказано много непрошенных соображений. Начало же нашей истории принадлежало лишь нам.

И оно было восхитительным.

Несколько недель твой отец приглядывался ко мне: я чувствовала его взгляд всякий раз, когда нам случалось оказаться на одном пикнике или концерте, столкнуться в парке на конной прогулке или на ужине в клубе. Полковник Джек Астор имел, пожалуй, самое значительное состояние на Американском континенте, и не заметить его было трудно. Однако еще труднее было не попасть под обаяние спокойного взгляда его серых глаз, столь же ясных, как зимний рассвет. (Когда по наивности я сообщила ему об этом, он рассмеялся, поцеловал меня в щеку и сказал, что я ослеплена любовью. А я-то казалась себе такой искушенной...)

Моя мать, твоя бабушка, была заморожена перспективами столь завидной партии, отец тоже предвкушал скорую счастливую развязку, хоть и не терял своей обычной рассудительности. Казалось, никого из них не смущало, что Джек разведен и почти на тридцать лет старше меня...

– Для него будет удачей взять тебя в жены, – заверял отец.

– Не вздумай ему перечить, – наставляла мать.

– Пока мы только здороваемся, – возражала я, однако все мы понимали, что развитие событий не заставит себя ждать, едва подвернется случай. Да, я была юна, но многочисленные воздыхатели уже боролись за право сопровождать меня на пикники и чайные приемы. И я прекрасно отдавала себе отчет, что означает этот ясный, пристальный взгляд полковника Астора.

Вскоре он пригласил нас на выходные в свой загородный особняк в Бар-Харборе, когда мы проводили лето там же, на побережье в Мэне, в нашем – гораздо более скромном! – домике. Стоял жаркий август, воздух был напоен ароматами жимолости, скошенной травы и соленого моря. Общество собралось большое, однако, судя по обходительности слуг и великолепию выделенных нам комнат, мы оказались главными гостями.

Хозяин устроил танцы, ужин на семь перемен блюд, прогулку по гавани на собственной паровой яхте, названной «Нома» (меня тогда укачало, но, надеюсь, мне удалось это скрыть). Мы играли в вист и крокет, джентльмены – в покер. Время тянулось со сладкой истомой, и я почти ничего не помню из тех блаженных дней, кроме одного-единственного момента.

Была суббота. Мама, отец и Кэтрин отправились вздремнуть после обеда. Полковник обещал нам вечернюю прогулку на машине вдоль побережья, и мама хотела выглядеть безупречно, ведь уже тогда нас начали преследовать светские хроникеры. Я считала, что и так выгляжу лучше некуда, а перспектива целый час томиться в постели в неудобном корсете и с кучей шпилек в прическе вгоняла меня в тоску.

Поэтому я ускользнула из комнат, едва послышался храп, и укрылась в укромном уголке роскошной библиотеки, сияющей начищенной латунью и полированным красным деревом, прихватив с полки сборник греческой поэзии, насколько я могла судить. У меня за плечами осталась частная школа-пансион, и латынь я знала блестяще. Что же до греческого, то я лишь немного различала алфавит, но ни читать, ни говорить не умела. Поэтому, перелистывая страницы, я просто любовалась причудливой вязью букв и необычной структурой строф, пытаюсь угадать их Звучание и смысл. И тут я почувствовала, что кто-то нарушил мое уединение.

Теперь я понимаю, что полковник, должно быть, наблюдал за мной, выжидая момент для разговора с глазу на глаз. Это было лестно и, в общем-то, предсказуемо. В конце концов, именно для этого нас и пригласили. Однако при его внезапном появлении единственной моей мыслью было: «О нет». Еще и эта книга так некстати! Если он спросит меня о ней, придется либо солгать, выдав что-то вроде: «Греческая поэзия божественно прекрасна...», либо признаться, что меня, словно ребенка, заворожили необычные начертания.

Он шел ко мне – высокий, угловатый, но очень привлекательный, с гладко зачесанными светло-каштановыми волосами и аккуратно подстриженными усами.

– Можно? – спросил он, указав на бордовое кожаное кресло напротив.

– Пожалуйста.

Я поспешно закрыла книгу и перевернула ее так, чтобы название и автор оказались скрыты в складках юбки. Он сел, скрестил ноги. Сияющее море, видневшееся в окне позади него, бросало платиновые блики на его прическу, накрахмаленный воротничок и домашний пиджак из серой саржи.

В тот момент залитый ярким солнечным светом хозяин дома, хоть и был намного старше меня, казался смущенным юношей, впервые решившимся на ухаживания.

– Какая вы очаровательная, мисс Форс, – сказал он, склонив голову и заглянув мне в глаза.

Я опустила взгляд, как меня учили, и пробормотала:

– Спасибо.

– И какая непроницаемая...

От удивления я уставилась прямо на него. Это что? Комплимент?

Полковник улыбнулся.

– Никогда прежде я не встречал таких, как вы. Ваш разум для меня загадка.

– О, порой для меня самой тоже! Но боюсь, на деле я не такая уж и загадочная.

Он рассмеялся, запрокинув голову. Рассмеялся совершенно искренне. И меня вдруг опьянило внезапное ощущение власти над таким человеком, как Джон Джейкоб Астор. Над его настроениями и эмоциями. Оно пронзило меня, словно молния.

Думаю, с этого мгновения судьба наша была решена.

Глава 1

Июнь 1907

Ньюпорт, штат Род-Айленд

При их первой – случайной – встрече Мадлен (или попросту Мэдди) была для него никем. Обычная тринадцатилетняя девчонка на каникулах. Мокрые, как у русалки, волосы не успели просохнуть после купания и липли к рукам и спине. Она сидела, поджав ноги, на крупном серебристом песке Бейлис-Бич. Купальный чепец беззаботно сброшен, нос жгло и пощипывало, но ей было все равно. Она наслаждалась ветром и солнцем, которое стояло так высоко, что казалось крошечной сияющей точкой в небе. Ей хотелось растянуться на песке, раскинуть в стороны ноги и руки, чтобы насквозь пропитаться теплом и светом. Увы, она уже была слишком взрослой для подобных глупостей.

В это предполуденное время на пляже могли находиться лишь женщины. Мать плескалась неподалеку в прибрежных волнах, пестревших красными водорослями. Она всегда была рядом. Всегда начеку. И наверняка уже заметила, что ее своевольная младшая дочь осмелилась снять чепец и подставить нос солнцу.

Над головой с криками носились чайки. Задрав подбородок, Мадлен следила за тем, как птицы выписывают неровные круги, взмахивая потрепанными крыльями. На фоне сияющего неба они казались беспокойными тенями драконов.

Стайка девочек помладше толкалась у берега, с визгом перебрасываясь песком и пеной. Они боялись зайти на глубину, но не могли удержаться от соблазна пройтись босыми ногами по прохладной воде. Шума от них было едва ли не больше, чем от чаек.

Мадлен, как и все прочие девочки, девушки и женщины на пляже, была облачена в купальный костюм: черные шаровары ниже колен, черная блуза с длинными пышными рукавами. Все целомудренно прикрыто. Словно в летний полдень на элитном пляже Бейлис-Бич собрались на шабаш модные, вымокшие насквозь ведьмы.

Показалась пара гнедых, запряженных в изящный экипаж. Лошади осторожно прошагали вдоль линии прилива по замысловатым арабескам из водорослей и остановились на последнем участке сухого песка. Выскочили лакеи в синих ливреях и принялись отстегивать загадочные узлы, увязанные сзади. По правилам, мужчинам не позволялось в этот час находиться на пляже, но ведь то были всего лишь слуги, поэтому никто не обратил на них внимания. Они проворно установили шатер в шафрановую полосу, разместили под ним плетеное кресло с пледом и складной столик, а затем вернулись к экипажу, чтобы помочь спуститься хозяйке.

Седая сторбленная дама сердито сощурилась под яркими солнечными лучами, однако была мгновенно сопровождена под тень шатра, так что Мадлен едва успела разглядеть мерцание стекляруса, которым было расшито ее платье, и гранатовую брошь, приколотую к груди. Как только почтенная леди опустилась в приготовленное для нее кресло, взъерошенная ветром служанка начала распаковывать корзинку с едой.

– Видела? – выдохнул кто-то на ухо Мадлен и шлепнулся рядом на песок.

Она оглянулась на подсевшую к ней старшую сестру (тоже без чепца, но с совершенно не обгоревшим носом и с широченной ухмылкой), а затем снова перевела взгляд на леди под тентом.

– Чувствуешь трепет? – шепнула Кэтрин, откинувшись на руки и глядя на волны. – И благоговение?

– А должна?

– Ну конечно, глупышка! Это же миссис Астор. Та самая... Посмей взглянуть ей в глаза – превратишься в камень. Или в столб пламени. Или... Нет, погоди! Тебя просто вычеркнут

из светского общества, и ты умрешь сморщенной старой девой. – Она преувеличенно содрогнулась, но улыбаться не перестала. – Кошмар!

Естественно, Мадлен знала, кто такая миссис Астор. Все знали. Просто ей еще никогда не доводилось сталкиваться с этой почтенной матроной лично. Семейство Форсов не вращалось в кругах Никербокеров¹. И, честно говоря, Мэдди представляла себе «ту самую миссис Астор» совсем иначе: жилистой, язвительной и крепкой, с улыбкой, словно остро отточенный кинжал, и маникюром, напоминающим когти хищника. А вместо этого перед ней предстала тучная старуха, опасливо прячущаяся от солнца и поедающая с позолоченной фарфоровой тарелочки омара, заботливо нарезанного на кубики служанкой.

– А это кто? – поинтересовалась Мэдди, кивнув в сторону мужчины в шляпе, который размашистыми шагами направлялся к шатру. (Слугой он точно не был, при этом его никто и не думал останавливать.)

– О... – протянула сестра одновременно доверительно и надменно и стряхнула с бедра подсохший пучок водорослей. – Это, дорогая моя, ее сын, полковник.

У Мэдди перехватило дыхание.

Джон Джейкоб Астор был очень красив. Она знала об этом еще по школьным сплетням, хотя особо им не верила. «Красавцем» среди девочек-подростков мог прослыть любой, лишь бы у него не было полипов, лысины или пуза, как у мерина.

Красота полковника – джентльмена, изобретателя и героя войны – была зрелой, мужественной, ястребиной. Чем-то он напомнил ей отца... но не совсем. Отец был седым и гладко брился, полковник имел светлые волосы и элегантные усы. Высокий, стремительный, подтянутый... Нет, он не походил ни на одного из знакомых мужчин.

Увы, ей едва удалось разглядеть его, но то, что она заметила, запомнилось на всю оставшуюся жизнь. Грациозно и решительно шагая к матери по песку продуваемого ветром и залитого солнцем пляжа Род-Айленда, полковник вдруг повернул голову, поймал ее взгляд. Заметил... И улыбнулся.словно луч летнего солнца пронзил грудь Мадлен.словно прямо в сердце попала стрела, сладостная, томительная, роковая...

Затем он исчез в недрах шатра. Кто-то отвязал полог входа, и уже ничего нельзя было разглядеть. Остались лишь бело-желтые полосы да чайки, кружащие над головой.

– Мэдди! – Сестра потрясла ее за плечо. – Ты чего? С тобой все в порядке?

– Да, – откликнулась девочка, выпрямилась, провела ладонью по лбу, облизнула губы и ощутила соленый вкус моря и песка, который пропитал ее насквозь, до последней поры. – В полном порядке...

При следующей их встрече Мадлен уже не была «никем». Ей исполнилось семнадцать, и она блистала. Платье было увито плющом, длинные темные косы украшены махровыми розами, маргаритками и яркими облачками ибериса (руту помощник режиссера раздобыть, увы, не сумел). Она пела, обезумевшая от горя, и кружилась по сцене так, что юбки вздымались, открывая новые нарядные туфельки, купленные специально для спектакля.

Она была Офелией – отчаявшейся, скорбящей – и репетировала свои безумные, печальные реплики до хрипоты (потом пришлось молчать два дня кряду, чтобы голос восстановился).

Ах, он умер, госпожа,
Он – холодный прах;

¹ Никербокерами называли коренных нью-йоркцев, в идеале ведущих свою родословную от первых голландских переселенцев. – *Здесь и далее прим. перев.*

В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах...²

Когда после недель изнурительных репетиций наконец все было готово, Женская благотворительная лига удостоилось чести представить своего «Гамлета» в Бар-Харборе. Было запланировано два показа. Арендовать театр «Казино» больше, чем на пару вечеров, оказалось накладно – слишком уж он был востребован.

Во время премьеры Мадлен буквально трясло от переживаний, однако теперь волнение отступило. Она ощущала себя эфемерным созданием, пропитанным музыкой и поэзией, сотканным из сияния софитов, благоухания цветов и жирного грима. Каблуки новых туфель так легко порхали над сценой, что порой ей казалось, будто она парит в воздухе.

В темноте, за светом рампы, под потушенными витражными люстрами затаилось притихшее, многоголовое существо – публика. Если не считать приглушенного покашливания и едва заметного блеска бриллиантов, оно оставалось невидимым и неслышимым. Словно его и не было вовсе... Пока не раздавались аплодисменты, естественно.

И вдруг...

На очередном пируэте («Ведь ты меня, пока не смял, Хотел женой назвать!» Он отвечает: «И было б так, срази нас враг...»³) Мадлен увидела его. Удивительно, как она не заметила его раньше! Демон или призрак не смогли бы материализоваться из тени так внезапно. Полковник Астор сидел в первом ряду, сложив руки на колени, и смотрел на нее, не отрывая взгляда. В отблеске софитов его черты казались резкими и драматичными.

Ноги перестали ее слушаться. Мадлен споткнулась. Застыла на месте. Оглянулась в растерянности в повисшей тишине. И поняла, что остальные артисты смотрят на нее выжидающе.

Должно быть, теперь ее реплика. В голове все плыло. Она беспомощно еще раз обвела сцену взглядом. Кровь шумела в ушах.

В зале кто-то кашлянул. Один раз. Другой...

Дороти Крэмп, которая грозилась выйти из лиги, когда узнала, что роль Офелии отдали не ей, хмуро взглянула на Мадлен из-под жестяной короны короля Клавдия и повторила, словно сплевывая каждое слово:

– Давно ль она такая?

Морок рассеялся. Мадлен вспомнила про свои безумные песни и танцы. Вспомнила, что надо делать. Произнесла реплику и унеслась со сцены в вихре лепестков и листьев. И до конца пьесы все свободное время торчала в правой кулисе, подглядывая за полковником сквозь щелочку в занавесе.

После поклона, сопровождавшегося овациями и летящими на сцену букетами, вся труппа собралась за кулисами, чтобы с восторгом обсудить свой успех. Стройные девушки в париках и брюках сновали туда-сюда, уворачиваясь от грозящих рухнуть на них куч реквизита, освобождались от деревянных мечей и объемных курток, обнимались, целовались и говорили друг другу, как все прекрасно прошло, и как в следующем году они возьмутся за Мольтера или Марло, и как весь мир будет им рукоплескать.

² У. Шекспир, «Гамлет». – Здесь и далее в переводе М. Л. Лозинского.

³ Там же.

Мадлен случайно задела плечом Дороти и улыбнулась – немного виновато, но не без вызова. Та лишь молча отвернулась и отошла.

У задрапированного бархатом входа в зрительный зал возникла миссис Огден Миллс, дама настолько важная и внушительная, что могла позволить себе пренебречь правилами: Мадлен ни разу не видела ее без драгоценностей (хотя бы нескольких нитей жемчуга) даже днем. Среди радостной суматохи, царившей после спектакля, она своей холодной, неподвижной отстраненностью напоминала кладбищенскую статую, и даже восторженные дебютантки лиги, упивающиеся триумфом, не осмеливались к ней приблизиться.

– Мисс Форс, – провозгласила эта матрона и, приподняв брови, кивнула в сторону мужчины, стоявшего чуть позади нее. – Вы знакомы с полковником?

Вопрос, очевидно, был задан исключительно из вежливости. Мадлен еще даже не начала выходить в свет, и не было никаких причин, чтобы кто-то вроде Джона Джейкоба Астора IV раньше почтил ее своим вниманием.

За болтовней и суетою Мадлен не успела переодеться и привести себя в порядок. Косы растрепались, увядшие лепестки и листья сыпались под ноги, цветки ибериса скатывались по плечам, словно крошечные белые звезды. Она быстро, украдкой взглянула в прямоугольное зеркальце, прикрепленное к заднику декорации: лицо густо покрыто белилами, бледно-голубые глаза подведены сурьмой, щеки нарумянены, губы алеют, как кровь.

Полковник перехватил ее взгляд, чем окончательно вогнал в краску.

– Джек, – продолжала как ни в чем не бывало миссис Миллс, – хочу представить вам мисс Мадлен Форс, дочь Уильяма и Кэтрин Форс из Бруклина, а ныне из Манхэттена. Вы имели удовольствие видеть ее сегодня в роли Офелии. Мадлен, познакомься: полковник Джон Джейкоб Астор.

Мадлен пришлось протянуть руку. Он подхватил ее своей крепкой теплой ладонью.

– Приятно познакомиться, – едва слышно проговорила она.

– Очень приятно, – откликнулся он мягко.

У Мадлен все плыло перед глазами: она не могла разглядеть своего нового знакомого, несмотря на то что он стоял прямо перед ней. Она не видела, а, скорее, чувствовала его присутствие: теплое сияние загорелой кожи, искушенный изгиб губ – близость мужчины, который знает, чего хочет, и не боится своих желаний, ибо все, к чему бы он ни прикоснулся, и так уже принадлежит ему.

Мадлен вновь почувствовала себя тринадцатилетней девчонкой на каменистом пляже – как тогда, когда их взгляды впервые встретились и он улыбнулся ей. Ей одной...

За ее левым плечом что-то вспыхнуло и тут же погасло. Она не стала оборачиваться.

– Вы были великолепны, – проговорил полковник, отпуская ее руку.

Ладонь покалывало. Она еле сдержалась, чтобы не провести ею о платье.

– Боюсь, недостаточно.

– Вы слишком к себе строги, – сказал он и, кивнув миссис Миллс, отошел. Его поглотил людской водоворот.

Светская дама бросила на Мадлен многозначительный взгляд; девушка натянуто улыбнулась, пробормотала слова благодарности и с облегчением вернулась к толпе приятельниц.

Лишь много позже – несколько часов спустя, лежа без сна в постели и наблюдая в окно за посеребренными луной облаками, Мадлен вдруг осознала, что всполох света у нее за спиной был, вероятнее всего, магниевой фотовспышкой. А значит, момент, когда полковник Астор впервые взял ее за руку, стал достоянием светской хроники.

Глава 2

На следующее утро твой отец прислал мне букет и продолжал присылать по одному каждый день, пока длились ухаживания.

Когда-нибудь, мой мальчик, я научу тебя языку цветов, чтобы ты с учтивостью настоящего джентльмена мог добиться расположения понравившейся девушки. Начинать надо осторожно – со скромного букета, лишь деликатно намекающего: «да, я вас заметил». Тут подойдут миниатюрные желтые розы, обернутые в папоротник, или фиалки – небольшой простой букетик, который можно легко приколоть к корсажу, если юная леди того пожелает. Цветы должны быть милые и скромные, чтобы ни одна матушка, даже самых строгих правил, не усмотрела в нем неприличный намек.

Следующий шаг можно сделать не сразу. Придется выдержать не менее четырех недель совместных чаепитий, пикников и котильонов (поверь, мой родной, я знаю, как это утомительно), прежде чем переходить к более пышным цветам, например к жемчужным опьяняющим гардениям или к роскошным гвоздикам персикового, лимонного или вишневого цвета. В Европе многие относятся к гвоздикам пренебрежительно, считая их вульгарными, но, по моему, нет цветка более изысканного, благоуханного и манящего.

Дарить крупные красные розы позволяет лишь спустя несколько месяцев ухаживаний. И только если твои намерения честны! У этих цветов лишь одно значение, поэтому с ними следует быть очень осторожным. Случайные оплошности недопустимы!

Что следует за розами, после завоевания ее сердца? Орхидеи. Но об этом уже в свое время тебе, мой сын, расскажет любимая...

Июль 1910

Бар-Харбор, штат Мэн

Коттедж из кирпича и кедра, служивший летней резиденцией семейства Форс, мог бы стать отличной метафорой жизни Мадлен в родительской семье – это было очень элегантное, сдержанное жилище. И хотя стоял он в стороне от просторных особняков на «набережной миллионеров», тем не менее был идеально респектабельным и абсолютно не оригинальным: несколько картин старых мастеров на стенах; натуралистичная фреска с Персефоной, принимающей гранатовое зернышко – в столовой; обюссонские ковры и безупречно отполированные тиковые перила. Окна, конечно, смотрели на океан, но были настолько крошечными, что через них внутрь почти не проникало ни яркого света, ни соленого ветра.

В доме семейства Форс – как и в жизни Мадлен – все было устроено в строгом соответствии с приличиями и неуклонно подчинялось им до последних мелочей. Всегда! Сколько Мадлен себя помнила, все вокруг оставалось неизменным. Разве что три года назад матушка привезла из Парижа несколько золоченых кресел в стиле Людовика XVI, потому что их обивка из клюквенно-алого атласа идеально сочеталась с дорожкой в прихожей.

Удивительно, как в этой цитадели благочинной стабильности Мадлен умудрялась меняться и расти, постепенно превращаясь из девчушки в молодую женщину. Глядя в зеркало, она не могла не подмечать происходящие метаморфозы, хотя порой сомневалась, уж не иллюзия ли они, – настолько все вокруг было неизменным. Да, комнаты и коридоры словно сжимались, ощущались более тесными, чем в детстве, но в остальном ее мир казался безнадежно застывшим.

И все же времена года сменяли друг друга. Жизнь текла вперед, будто ручей по ровному, надежному руслу.

Лето вступило в свои права. Лениво тянулись жаркие недели, в море на волнах качались яхты, улицы Бар-Харбора заполнили отдыхающие в соломенных шляпах и светлых льняных костюмах. В магазинах, очнувшихся от зимнего затишья, вновь кипела жизнь. На центральной улице запестрели и захлопали на ветру яркие вывески, зазывающие отведать свежих моллюсков, угоститься импортной сигарой или примерить эксклюзивные чайные платья прямиком из Парижа. И если в Ньюпорте знатные дамы строго блюли светские порядки из своих мраморных дворцов, то в Бар-Харборе в благословенные благоухающие месяцы публика чувствовала себя чуть более свободной и дерзкой.

С недавних пор (как только Кэтрин начала выезжать в свет) каждый завтрак в доме Форсов – будь то в Бар-Харборе или в Нью-Йорке – неизменно начинался с того, что дворецкий торжественно вносил в столовую букеты, доставленные для молодой мисс, и расставлял их по заранее заготовленным вазам: розовый душистый горошек – у блюда с яичницей-болтуньей, рубиновые георгины – на дальнем конце буфета, циннии, бархатцы и гиацинты – между статуэтками из ведж-вудского фарфора на каминной полке, два букета роз (одни – кремового, другие – канареечно-желтого цвета) – в хрустальные чаши рядом с солонками на столе.

К каждому букету непременно прилагалась небольшая карточка с посланием от отправителя. За время завтрака у сестрино бокала с водой их скапливалась целая стопка. И хотя ее поклонники никогда не появлялись раньше полудня (вероятно, из-за того, что любили поспать, как полагала Мадлен), Кэтрин с самого утра одевалась так, словно в любой момент один из них – или все разом – могли неожиданно выскочить из холла или гостиной с пылким намерением ангажировать ее на следующий танец.

К завтраку Кэтрин спускалась в кружевах и шифоне, напудренная и безупречная. Собственно, как и к обеду. К ужину ее великолепие и вовсе достигало ошеломительных высот. Сестрица была воплощенным совершенством. Неудивительно, что молодые джентльмены опустошали из-за нее местные цветочные лавки.

Яркие живые бутоны делали мрачную столовую чуть приветливее, однако давно уже не вызывали у Мадлен восторга. Она к ним привыкла и почти не поднимала глаз, когда рядом появлялась какая-нибудь новая, искусно составленная композиция.

Вдруг рядом с ее тарелкой легла карточка. Мадлен взглянула на нее искоса и застыла, не донеся до губ кофе с молоком.

– Мисс, – пробормотал дворецкий и отступил в тень.

Мадлен вернула чашку на блюдо.

– От кого? – небрежно поинтересовалась Кэтрин, прихлебывая свой кофе.

На плотной кремовой бумаге темно-синими чернилами было выведено:

«А вот троицын цвет, это для дум⁴.

Дж. Дж. А.»

Мадлен замерла, веред глазами все поплыло. Моргнув, она огляделась: небольшой букет стоял на буфете, озаренный одним из немногих солнечных лучей, сумевших пробиться в комнату. Лиловые края лепестков блестели, будто засахаренные.

– Мэдди, от кого цветы? – снова спросила Кэтрин, не отрываясь от завтрака.

– От полковника Астора...

Кэтрин отложила вилку и недоверчиво взглянула на сестру; отец опустил газету; мать охнула и молча протянула руку, желая прочесть записку лично. Мадлен поднялась, словно освобождаясь от невидимых цепей – от самой силы притяжения, – обошла стол и передала матери карточку.

⁴ Троицын цвет – анютины глазки.

– Боже, – пробормотала та, разглядывая ее со всех сторон и будто выискивая на полях скрытое послание. – Что это значит?

– Это цитата из «Гамлета». Одна из реплик Офелии, – ответила Мадлен и замолчала, чтобы перевести дыхание. Она втянула воздух – ей почудился сахарный аромат. Неужели опять разыгралось воображение? – Я ведь говорила о нашем вчерашнем знакомстве, помнишь?

– Ты сказала, что тебя представили ему в толчее за кулисами. Я думала, он поздравлял всех с выступлением.

Мадлен поспешно кивнула.

– Мы почти не разговаривали. Пожали друг другу руки. И все.

– Все да не все, – хмыкнула Кэтрин и перегнулась через стол, чтобы стащить карточку у матери; шифоновые воланы ее утреннего туалета скользнули в опасной близости от тарелки с яичницей. – Очевидно, рукопожатие было весьма красноречивым.

– Думаю, он послал цветы всем девушкам из труппы, – пролепетала Мадлен, перебирая складки своего платья, очаровательного, но совершенно повседневного, из простого муслина. – Это не более чем обычная любезность...

Кэтрин постучала краем карточки по полированной поверхности стола и подтолкнула записку обратно к Мадлен.

– Сестренка, даже ты не настолько наивна, чтобы действительно так думать.

И она, как обычно, оказалась права.

Умение сохранять неподвижность было, по мнению миссис Форс, непременным признаком истинной леди. Мадлен, однако, к неудовольствию матери, не сильно преуспела в этом искусстве, потому как считала его совершенно бесполезным. Застывать на месте, считала она, имеет смысл, только если ты дичь и за тобой по пятам идут охотники. Когда она высказала это мнение вслух на уроке хороших манер в школе мисс Эли, ее учительница невозмутимо парировала, что для мужчин нет «дичи» более желанной, чем молодая, хорошенькая наследница.

С этим было не поспорить.

И все же в глубине души Мадлен жаждала совсем иного. Она восхищалась кротостью сверстниц, которые могли погрузиться в состояние абсолютного внешнего покоя: говорили тихо и ровно, сидели неподвижно, не качали ногой, не теребили украшения, не нарушали прическу. Даже во сне они, должно быть, оставались такими же идеальными: на лице приятное невозмутимое выражение, руки аккуратно сложены на животе, ноги вытянуты и сжаты.

Такое самообладание поражало ее, но отнюдь не прельщало: ей хотелось не размеренной рыси, а бешеного галопа. Не мягкого, безопасного уюта салонов, чаепитий и вечерних приемов, а простора и свободы, чтобы солнце жгло лицо и ветер трепал волосы.

Однако приходилось держать себя в руках...

На вечер было запланировано событие, которого ждал весь город, – званый ужин под открытым небом на вилле, названной на французский манер «Бо-Дезер». Семейство Форс получило приглашение несколько недель назад, и проигнорировать его было решительно невозможно.

Низкие облака, растянувшиеся после полудня по небу, наконец рассеялись. Горизонт очистился, и казалось, будто раскаленное небо сливается с темными водами бухты. Вдали виднелись изрезанные очертания островов Поркьюпайн, пестревших зеленью, охрой и угольной чернотой.

Великолепный сад с пышными клумбами и благоухающими травами уже был готов к приему гостей. По аккуратным дорожкам, посыпанным ракушками и гравием, сновали официанты с бокалами шампанского и холодными закусками на серебряных подносах. В беседке

под соснами играло струнное трио. Над головой причудливыми светлячками покачивались на ветру бумажные фонарики. На лужайках между дорожками белели столы под камчатными скатертями с тончайшим фарфором (миссис Форс предусмотрительно заставила дочерей надеть туфли на низком каблуке, чтобы не увязнуть в рыхлом газоне). В сгущающихся сумерках среди цветов и деревьев, подобно призракам, скользили дамы в светлых шелковых платьях и господа во фраках. Доносился шелест светской болтовни и приглушенного смеха. Несмотря на фонарики, укромных уголков в саду было предостаточно.

Мистер и миссис Форс потягивали шампанское и болтали с хозяевами у шпалеры, увитой жимолостью. Сестра скрылась из вида через пять минут после прибытия: Мадлен и глазом моргнуть не успела, как та уже направлялась к лабиринту из розовых кустов под руку с двумя поклонниками. Повелительная, безоговорочно уверенная в себе королева званых ужинов и мужских сердец, Кэтрин знала, что до того, как всех пригласят к столу, у нее есть не меньше двадцати минут, чтобы предаться невинному греху кокетства.

В отличие от сестры, Мадлен королевой себя не ощущала. Она стояла, одинокая и потерянная, среди оживленной толпы, хотя знала всех этих людей с детства, и оглядывалась в поисках... Кого? Ну конечно же, не его, а кого-нибудь из Женской лиги: Кэрл, Натали или Литы. Увы, подружек видно не было: они или еще не приехали, или, как Кэтрин, уже успели разбредиться с кавалерами по укромным уголкам.

Мадлен отпила шампанское из своего бокала и побрела между деревьями, превратившись в одного из призраков в сгустившихся сумерках. Дорожка, посыпанная раздробленными раковинами, поблескивала под ногами и убегала в темноту серебряной лентой. Дохнуло вечерней прохладой, открытое платье из нежнейшего кораллового шелка, отороченного тонким кружевом, совсем не грело. Мадлен передала бокал проходившему мимо лакею и вздрогнула, когда ветер взъерошил ей волосы, уложенные в «узел Психеи», и скользнул по обнаженным плечам и шее, превратив жемчужное ожерелье в ледяной ошейник.

Струнное трио заиграло баркаролу из «Сказок Гофмана» Оффенбаха. Мадлен замерла под золотым качающимся фонарем и закрыла глаза, чтобы насладиться музыкой. Она слушала и представляла, как будет танцевать с ним... И почти не удивилась, когда, открыв глаза, заметила, что на ее тень накладывается чья-то еще.

– Мисс Форс, – произнес полковник у нее за спиной. – Простите. Надеюсь, я вас не напугал.

Мадлен обернулась.

– Ничуть.

Элегантный черный фрак удивительно шел его статной высокой фигуре. Мадлен пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться взглядом со своим неожиданным визави. Для нее это было непривычно: достаточно рослая, она обычно смотрела на сверстников если не свысока, то напрямую. «Вот каково это – чувствовать себя хрупкой», – пронеслось у нее в голове.

Они стояли и смотрели друг на друга в мерцающем золотистом свете фонарей. Полковник выглядел почти так же, как накануне вечером: аккуратная прическа, безупречный черный фрак, в глазах – выражение предельной серьезности и сосредоточенности, точно в данный момент в мире нет для него ничего более важного, чем она.

Ей вспомнился ветреный день на пляже в Ньюпорте и то, каким красивым он показался ей при первой встрече. «Красивый» – не совсем подходящее слово, подумала она теперь, слишком простое, слишком поверхностное. Полковник не походил ни на молодых, мускулистых, загорелых и дерзких ловцов омаров, на которых Мадлен заглядывалась украдкой, проходя мимо доков, ни на бледных, рыхлых джентльменов из круга ее отца, которые с ленцой играли в гольф, с аппетитом поглощали обед и болтали лишь о колебаниях рынка, ценах на недвижимость и заманчивых перспективах индустриализации.

Во время испано-американской войны, когда она еще носила детские переднички, полковник Астор снарядил целый полк и отправился с ним воевать на Кубу. Он принадлежал к самой знатной семье на континенте, владел огромным капиталом и состоял в родстве (пусть и не близком) с президентом Рузвельтом. Он объездил весь мир, бывал в таких странах, каких она и вообразить не могла. На мгновение Мадлен даже показалось, что она уловила пьянящий аромат диких, экзотических приключений, который окутывал этого удивительного человека, словно парфюм. Ей мерещился запах пороха, острых пряностей и пыли дальних дорог.

От уголков его глаз разбегались веером тонкие морщинки. Гораздо заметнее были складки, залегающие вокруг губ, под изящными усами. Мадлен поймала себя на том, что смотрит на них с восхищением. «Как идет ему это загорелое, немного обветренное лицо».

Бриллиант в булавке галстука сверкнул оттенками сепии. Полковник откашлялся.

– Чудесный вечер, не правда ли? Я наслаждался сумерками, предзакатным часом... и увидел вас. Извините, если побеспокоил.

Мадлен улыбнулась.

– Вы меня не побеспокоили, полковник Астор.

– О... Прекрасно.

Два сверчка завели свой трескучий напев – сначала робко, потом все увереннее и радостнее. Мадлен обхватила себя за локти, однако тут же расцепила руки, побоявшись, что помнется платье.

– Я слушала музыку и немного увлеклась.

Полковник снова откашлялся.

– Вы любите оперу?

Мадлен с изумлением отметила про себя, что он, похоже, волнуется.

– Мы были на «Сказках Гофмана» в прошлом году в Париже, – ответила она. – Вы слышали эту оперу?

– Давно. Боюсь, я почти ничего не помню.

– А я почти ничего не поняла, но мне понравилось.

Он кивнул и отвел взгляд. За его спиной в темноте мелькали бледные призраки, болтали, потягивали игристое и хихикали. В небе одна за другой просыпались звезды.

Полковник не торопился продолжать разговор, но и уходить, казалось, не собирался. Молчание тяготило Мадлен.

– Я впервые вижу вас в Бар-Харборе, сэр, – проговорила она. – Вы не часто сюда наезжаете?

– Я бывал здесь раньше у друзей и родственников... Но Ньюпорт – это...

Он замолчал, нахмурившись.

– Что?

– Это мое обычное летнее пристанище, – закончил он и снова взглянул на свою собеседницу. – А вы проводите сезон здесь?

– Сколько себя помню.

– И вам нравится?

– Ну... – Она пожала плечами. – Ничего другого я никогда не знала.

– Понимаю.

Снова молчание. Сгорая от неловкости, Мадлен смотрела снизу вверх на своего визави и жалела, что не оставила при себе бокал шампанского – тогда ей хотя бы было, чем занять руки...

– Уверена, с Ньюпортом наш городок не сравнится, – нашлась она. – Говорят, там все особняки внутри и снаружи отделаны мрамором и золотом, словно храмы олимпийских богов.

Полковник склонил голову, потер подборок и наконец улыбнулся.

– Не все. Помпезный стиль ценят лишь некоторые семьи. Большинство домов все же построены из известняка. Штукатурка и кирпич гораздо практичнее. Да и внутри, как правило, позолоченная медь, а не золото.

– Пускай, зато похоже на небеса – все белое, голубое и сияющее.

– Полагаю, так и задумывалось.

– Должно быть, это великолепно.

– Да, – откликнулся он, словно вдруг проникнувшись ее пылом. – Да, мисс Форс, так и есть.

Завязавшийся было разговор прервал звон колокольчика, приглашающего гостей к ужину. Они оба невольно взглянули в сторону ярко освещенного сердца сада, где были накрыты столы, а затем снова повернулись друг к другу. Не говоря ни слова, полковник Астор предложил Мадлен руку, и она приняла ее. Крошечная ладонь, затянутая в перчатку, легла на черный рукав фрака. Ее макушка едва доставала до его подбородка.

– Кстати о театре, – сказал он, медленно шагая рядом, – мне очень понравилось ваше вчерашнее выступление.

– Правда?

– Вы играли... с воодушевлением.

– О! – Мадлен смущенно усмехнулась. – Знаю, я не очень-то искусна, зато воодушевления мне не занимать. Все шло неплохо, пока я не забыла реплику.

– Неужели?

– Ну конечно. Все это заметили.

Они остановились. Он повернулся к ней, но руки не выпустил.

– Я заметил лишь, как глубоко вы вжились в роль и заставили меня поверить в трагедию Офелии. В ее чудовищную утрату. А ведь это самое главное для актера: убедить зрителя в том, что все происходящее на сцене – правда.

Мадлен вглядывалась в его лицо, ожидая увидеть насмешку, однако полковник смотрел на нее все с тем же пристальным, серьезным вниманием. Тени сгущались, вечерняя заря, которой он так восхищался, выцвела, превратившись в темную ночь. Подул прохладный ветер, по коже побежали мурашки, и Мадлен отчаянно пожалела, что у нее нет ни шали, ни остроумной реплики для ответа, ни незыблемого самообладания сестры.

– Простите меня. – Полковник покачал головой, хмуро глядя на тропинку. – Кажется, я неудачно выразился.

– Нет, что вы. Я благодарна вам за честное мнение. И за анютины глазки, – добавила она. – Прекрасные цветы.

– Мисс Форс, – сказал он, кинув на нее исподлобья потемневший взгляд, – уверяю, что у вас не будет ни единой возможности усомниться в моей честности.

– Полковник Астор, – откликнулась она, – уверяю вас, что я никогда в ней не усомнюсь.

Как ни странно, этот ее спонтанный ответ совершенно его удовлетворил. Он непринужденно улыбнулся, отчего внутри у нее все затрепетало.

Снова из-за пышных клумб, кустов и деревьев послышался звон колокольчика. Но они так и продолжали стоять.

«Вот каково это – чувствовать, что тебя понимают», – подумала Мадлен.

Наконец они двинулись дальше, и призрачные фигуры, бродящие по саду, замолкали, провожая их взглядами.

Мадлен и полковник, конечно же, сидели не за одним столом и даже не за соседними, а почти в противоположных концах сада. Их разделяли куртины дельфиниумов и маков и одино-

кая плакучая береза, длинные ветви которой свешивались, как занавес. Однако Мадлен видела его – видела сквозь листья, чужие фигуры и ночные тени. Иногда ей даже казалось, что она разбирает его голос.

Рассадка была продумана до мелочей. Ее место оказалось между юношей с жирафьей шеей из старинной богатой филладельфийской семьи и рыжеволосым сыном нувориша, сколотившего состояние на перевозках иностранных товаров (примерно тем же занимался и ее отец). Следом за ним сидела Лита Райт, одна из ее подружек – дерзкая, энергичная и прямолинейная.

– Гарольд, – обратилась та к своему рыжему соседу, – а ведь ты кое-что забыл сделать сегодня утром.

Парнишка нервно выпрямился.

– Э-э... Да?

Лита подцепила бокал с милой улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего, и добавила:

– Ты был на спектакле вчера вечером, не так ли? И видел меня в роли королевы Гертруды?

– Конечно! Ты же знаешь, я бы никогда не пропустил твое выступление.

– Ну и как? Понравилось?

– Да! Еще бы!

– Я так и думала.

Она сделала глоток кларета и вновь улыбнулась своему собеседнику.

– Представь, каково же было мое удивление, когда среди букетов, доставленных нынче утром от самых разных очаровательных поклонников моего таланта, я не нашла ни одного от тебя, Гарольд, милый. Ни одного лепесточка!

– Я...

– Был букет от Олли. Букет от Морриса. И даже от Эрнеста и Уолтера Оуэнсов, а ведь я им почти и не нравлюсь! Валентино Луи прислал ромашки, мои любимые. – Лита заглянула бедняге прямо в глаза и припечатала: – И ничего от тебя!

– Лита, боже правый, мне так жаль... Я просто...

– Мэдди, – не слушая его оправданий, она нагнулась над столом и спросила: – Ведь это так приятно получать букеты от тех, кому нравишься, правда? И так естественно?

– Ну... – начала было Мадлен, однако Лита перебила и ее.

– Уверена, сегодня утром поклонники твоей Офелии завалили тебя цветами. Верно?

Мадлен смущенно поджала губы, но все же кивнула.

– Вот видишь, Гарольд? Не такая уж это непосильная задача. От кого был букет, Мэдди? Только, пожалуйста, не говори, что от этого тихони.

Мадлен опустила глаза и уронила прибор на тарелку. К бульону, поданному на первое, она почти не притронулась, и тартар из лосося не вызвал у нее никакого аппетита. Внутри все сжалось, словно ей перетянули корсет.

– От полковника Астора, – пробормотала она.

– От кого? – переспросила подруга, оправившись от первого изумления.

– От Джона Джейкоба Астора.

Гарольд охнул. Лита радостно захлопала в ладоши.

– Как интересно! И что это были за цветы?

– Анютины глазки.

– Идеально! – выдохнула подруга, мгновенно оценив ситуацию. – Полагаю, ты была просто в восторге.

– Я была... удивлена.

– Ну, а твоя мама? Уж она-то, по крайней мере, пришла в восторг? Как она отреагировала?

Мадлен опустила взгляд и поковыряла вилкой в тартаре.

– Даже не знаю... Подозреваю, она уже мысленно подыскивает свадебного портного.

– Хочешь сказать, что вы с полковником Астором... – вмешался в разговор филадельфийский наследник, окинув ее взглядом из-под полуопущенных ресниц. – Серьезно?

– Еще как! – с вызовом вступилась за подругу Лита. – Мэдди достойна и короля, не то что полковника.

– Только не из такой знатной семьи, – не унимался длинношей. – Поверь мне. В любом случае, он слишком стар для нее, да и разведен к тому же.

– Возраст не помеха, – стояла на своем Лита.

– И развод нынче не редкость, – вставил Гарольд. – У меня дядя с тетей разошлись, и ничего.

– Потому что они не из Никербокеров, – отрезал филадельфиец и, прожевав кусочек маринованного лосося, добавил: – Тебе не понять...

– Что может быть непонятного в обычном снобизме, – не сдалась Лита. – Нет ничего плохого в том, что полковник Астор посылает Мэдди цветы. По мне, это очень романтично.

– А по мне, очень глупо.

Лита скептически хмыкнула.

– Вот, значит, как? Ты даже не допускаешь мысли, что можно неожиданно влюбиться и связать жизнь с тем, кто не принадлежит к твоему маленькому миру? Никогда-никогда?

Филадельфиец пожал плечами и снова принялся за еду.

– Так не принято, – бросил он.

Мадлен откинулась на спинку стула, уронила руки на колени и втайне пожелала этому длинношеему снобу подавиться.

Все пространство вокруг нее заполнял гул светской болтовни, то спадая, то нарастая, подобно волнам, омывающим гавань. За ним слышался шелест ветра в листьях и сосновых иголках, стрекот сверчков и нежные ноты струнного трио, плывущие под сводом озаренной огнями ночи. Однако для Мадлен существовал лишь волнующий баритон того самого небожителя – слишком взрослого для нее, слишком знатного, который прислал ей букетик скромных фиолетовых цветов, проводил к столику на глазах у всего общества и умолял не сомневаться в честности его намерений.

Она прислушивалась к едва различимым звукам его голоса... И у нее перехватывало дыхание.

Глава 3

Анютины глазки.

Космея.

Дельфиниумы.

Астры.

Львиный зев.

Колокольчики.

Тюльпаны.

Незабудки.

Паша история с твоим отцом началась с цветов. И по Зловещей, чудовищной иронии ими же и закончилась. Конечно, роковая точка была поставлена тем промозглым Звездным утром на волнах Атлантики, однако последние воспоминания о Джоне для меня навсегда связаны с лилиями. Ничего не могу с собой поделать, даже теперь их запах меня преследует. Тысячи бутонов на крышке его гроба, вокруг церкви, под колесами похоронной процессии, под копытами вороных коней, в руках у незнакомых людей на обочинах, пришедших проститься. Даже в поезде, на котором его тело перевозили из Райнбека на Манхэттен, были эти цветы...

Липкий аромат лилий. Гнетущая, приторно-сладкая вонь. При одной мысли о них мне становится дурно...

Июль 1910

Бар-Харбор

Рукоятка ракетки вжалась в ладонь, грубо надсаживая кожу оплеткой. Привычная, необходимая мука. Когда Мадлен взмахнула рукой и кетгутные струны соприкоснулись с несущимся мячом, сила удара отдалась во всем ее теле, всколыхнув сердце и легкие, мышцы и кости – до самых ступней.

По инерции она сделала несколько размашистых шагов вперед, раскачиваясь из стороны в сторону, чтобы удержать равновесие, – стремительный и опасный танец. Длинная юбка путалась в ногах, корсет врезался в грудь, но она игнорировала боль.

Мяч скользнул над сеткой. Соперница сделала выпад, замахнулась и... не попала.

– Гейм, сет, матч! – выкрикнул судья на вышке. – Победа за мисс Форс!

Взрыв аплодисментов взметнулся в пасмурное небо.

Мадлен наклонила голову, чтобы смахнуть пот со лба, повернулась и сделала быстрый реверанс зрителям – респектабельной публике из местного плавательного клуба, расположившейся под зонтиками на раскладных стульях вдоль теннисного корта. Подойдя к сетке, она переложила ракетку в левую ладонь, чтобы освободить правую для рукопожатия. Соперницы ударили по рукам.

– Отличная игра, – пропыхтела Стелла Митчелл, все еще задыхаясь после финального рывка.

– Согласна.

Мадлен всегда втайне завидовала Стелле – ее утонченности, лоску, сдержанной элегантности в любых обстоятельствах. Что бы ни происходило вокруг, Стелла выглядела как девушка с портрета Гибсона и вела себя как воплощенная поэтическая мечта об идеальной женственности. Казалось, она только и делала, что читала, вышивала узоры да мечтала о том, как подарит мужу толпу бойких, очаровательных наследников. Возможно, она и вправду была такой (Мадлен знала ее еще со времен пансиона мисс Эли, и, боже правый, им там немало пришлось

исколоть пальцы за вышивкой), однако в теннисе Стелла забывала о всякой кротости и становилась беспощадной. Сегодняшней победой Мадлен по праву могла гордиться. Это была редкая удача.

– Мне повезло, – сказала она, отступая.

– Неудивительно, ведь рядом твой талисман, – откликнулась Стелла, бросив многозначительный взгляд на ряды зрителей.

Мадлен снова отерла лицо. Только бы щеки не слишком покраснелись. Только бы волосы не слишком растрепались. Только бы под мышками не проступили пятна пота. Потому что да, так и есть – вот он, полковник Джон Джейкоб Астор собственной персоной, стоит в конце ряда стульев, в одной руке трость, в другой – поводок с большой рыжей собакой.

Их взгляды встретились, она кивнула, полковник ответил, собака посмотрела на нее исподлобья.

Виделись они нечасто, в последний раз – неделю назад и то мельком у частного клуба «Маунт-Дезерт», располагавшего собственной библиотекой. Семейство личным визитом полковник еще ни разу не удостоил, однако цветы с его карточкой неизменно приходили каждое утро. И за завтраком, пока дворецкий не вносил долгожданный букет, миссис Форс буквально трясло от нетерпения.

– Это всего лишь цветы, – осмелилась сказать Мадлен матери три дня назад.

– Полковник Астор не слепой и не слабоумный, – парировала та, жадно осматривая только что внесенные свежайшие хризантемы. Она взяла за привычку ставить эти букеты рядом со своей тарелкой – словно они предназначались ей, а не дочери. И оглядывала их с таким пристрастием, будто они могли нашептать ей ответ на давно волнующий ее вопрос.

– Просто я думаю, нам не стоит слишком уж надеяться. Вот и все.

Мать вскинула на нее взгляд.

– Мэдди, дорогая. Ты имеешь в виду меня или себя? Мадлен неловко пожала плечами.

– Потому что в данном случае, – продолжила миссис Форс, – только твои надежды имеют значение. Надеюсь, ты это понимаешь.

– У меня идея, – вмешалась Кэтрин. – Отчего бы нам просто не заехать к нему?

– Глупости, – вздохнула мать.

– Но почему? На дворе двадцатый век. Можем зайти и оставить карточку. Спросить его, для чего он шлет все эти дурацкие цветы каждый день, хотя давно уже пора было бы перейти к шоколаду и украшениям!

– Кэтрин...

– Я хочу сказать, что мы больше не обязаны соблюдать все эти допотопные правила, которые были в ходу при старой миссис Астор. Ведь, по сути, – увлеченно подытожила сестра, – сейчас и нет никакой миссис Астор...

При этих словах мать бросила быстрый взгляд на Мадлен, и та моментально поняла, что пронеслось у нее в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.